

5.6.1. Отечественная история

УДК 908

DOI 10.22311/2074-1529-2023-19-3-149-162

А. Н. Такова

Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра
Российской академии наук, г. Нальчик

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ АССР 40–80-Х ГГ. XX В.: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АТЕИЗМА

ТАКОВА Александра Николаевна —

канд. ист. наук, ст. науч. сотр. сектора новейшей истории.

Институт гуманитарных исследований

Кабардино-Балкарского научного центра РАН

(360000, Россия, Республика Кабардино-Балкария, г. Нальчик, ул. Пушкина, д. 18).

E-mail: sanatakova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются роль и место, а также особенности функционирования в Кабардино-Балкарии 40–80-х гг. XX в. одной из наиболее специфичных групп советского общества — духовенства. Делается краткий обзор политики советской власти по отношению к мусульманскому духовенству субрегиона. Подчеркивается, что данная группа за первые десятилетия советской власти прошла сложный путь от стратегического партнера, внесшего весомый вклад в дело ее победы в рассматриваемом субрегионе, до принципиального противника, подвергаемого репрессиям. Отмечается, что в годы Великой Отечественной войны, несмотря на принципиальные позитивные изменения в сфере государственно-конфессиональных отношений, в республике произошел разрыв преемственности поколений служителей культа, в результате чего образовался

кадровый вакуум. Он связывается со спецификой религиозной политики немецких оккупационных властей. Анализируются истоки комплектования кадров мусульманского духовенства периода 40–80-х гг. XX в., их происхождение, образовательный уровень, роль и место в социуме субрегиона. Выдвигаемые утверждения и выводы подкрепляются архивными документами. В заключение делается вывод, что, несмотря на невысокий уровень подготовленности и суженный функционал, мусульманское духовенство Кабардино-Балкарии рассматриваемого исторического периода выполнило миссию хранителя религиозных знаний и традиций. Тем самым оно сыграло важную роль в поддержании бытовой религиозности, уровень которой в эти годы продолжал оставаться довольно высоким.

Ключевые слова: духовенство, атеизм, религиозная община, уполномоченный, социальная группа, повседневность.

Для цитирования: Такова А. Н. Мусульманское духовенство Кабардино-Балкарской АССР 40–80-х гг. XX в.: особенности функционирования социальной группы в условиях политики государственного атеизма // Ислам в современном мире. 2023. Т. 19. № 3: 149–162;

DOI 10.22311/2074-1529-2023-19-3-149-162

Статья поступила в редакцию: 13.05.2023

Статья принята к публикации: 15.08.2023

Мусульманское духовенство в Кабардино-Балкарской АССР 40–80-х гг. XX в. представляло собой небольшую, но хорошо маркируемую социальную группу. Изучение ее отличительных характеристик, роли и места в повседневной жизни общества является важной составляющей при анализе процессов, происходивших в религиозной сфере в целом. Хронологические рамки работы ограничены в основном 40–80 гг. XX в., то есть временем, когда в сфере государственно-конфессиональных отношений произошли крутые изменения, способствовавшие установлению новых принципов функционирования религии в советском обществе. Основными методами исследования являются анализ архивных материалов, дедукция, индукция, социальная психология, микроистория. Источниковую базу работы составляют главным образом архивные документы фондов аппаратов уполномоченных, большая часть из которых впервые вводится в научный оборот. Аппараты уполномоченных Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов (с 1965 г. — Совета по делам религий) — административные органы, созданные в 1943–1944 гг. и действовавшие до 1991 г. Их деятельность была направлена на «...мониторинг ситуации, информирование Центра обо всех незаконных фактах администрирования

в сфере государственно-церковных отношений и амортизация их негативных последствий»¹. В работе также используются ссылки на исследования ряда авторов, так или иначе затрагивавших различные аспекты изучаемой темы. Среди них, важны работы А. В. Кобзева, Ю. М. Дегтярева, С. Н. Шишкина, А. Х. Мукожева, Е. И. Журавлева² и др.

40–80-е гг. XX в. являются важным периодом для религиозной сферы. Принятые в период Великой Отечественной войны постановления СНК СССР «О порядке открытия церквей» (1943 г.)³ и «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» (1944 г.)⁴ заложили основы для выстраивания государственно-конфессиональных отношений на новых для страны принципах. Религия в СССР стала вновь существовать легально. Атеистическая же работа, продолжавшая прочно присутствовать в системе идеологической и пропагандистской деятельности, стала осуществляться в более мягких по сравнению с практикуемыми в довоенные десятилетия формах, исключая грубый административный нажим. В данных условиях духовенство представляло собой хорошо определяемую группу, занимавшую в общественной структуре четкую и весьма прочную нишу.

В первые советские десятилетия представители рассматриваемой социальной группы в Кабардино-Балкарии сполна испытали на себе все перипетии переходного периода. Они прошли путь от стратегических союзников советской власти, внесших значительный вклад в дело ее победы в субрегионе, до принципиальных противников, чуждых строящемуся социалистическому обществу элементов, одной из «...наиболее дискриминируемых социальных групп советского общества»⁵.

К началу Великой Отечественной войны положение духовенства в кабардино-балкарском обществе было сложным. Это обуславливалось как общими процессами, происходившими в религиозной сфере,

¹ Гераськин Ю. В. Возникновение и становление института уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4. С. 46.

² Кобзев А. В. Мусульманское духовенство в СССР в 1940–1980-х гг. // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 149–158; Дегтярев Ю. М. Открывал ли Сталин церкви? // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: материалы круглого стола, посвященного 50-летию Победы. М., 1995. С. 130–142; Шишкин С. Н. Вопрос открытия церквей на территории Ставропольской и Бакинской епархий 1943–1948 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской православной церкви. 2018. Вып. 82. С. 84–103; Мукожев А. Х. Ислам в Кабардино-Балкарии в годы советской власти // Архивы и общество. 2007. № 1. С. 168–176; Журавлев Е. И. Коллаборационизм, немецкий «новый порядок» и религиозный вопрос на юге России в годы оккупации (1942–1943 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 1. 2009. С. 135–141.

³ Постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей». Москва, Кремль, 28 ноября 1943 г. // Электронная библиотека исторических документов. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/...snk-sss-r-o...otkrytiya...1943...> (дата обращения: 20.08.2023).

⁴ Там же.

⁵ Кобзев А. В. Мусульманское духовенство в СССР в 1940–1980-х гг. // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 150.

так и специфическими действиями властей в отношении представителей данной группы. Генеральной линией власти являлось максимальное нивелирование роли и места религии в социуме. Для этого применялся широкий спектр приемов и методов, начиная от массового закрытия культовых зданий, наступательной антирелигиозной пропаганды, ликвидации системы религиозного образования и судопроизводства и заканчивая проведением разного рода репрессивных мер в отношении представителей духовенства (от лишения избирательных прав до высшей меры наказания). Прямым следствием этих действий стало резкое сокращение численности духовенства, нарушение процесса самовоспроизводства группы, максимальное сужение ее функционала. Однако стоит отметить, что религия как часть духовной культуры в эти годы сохраняла, хотя и в несколько усеченном виде, свои позиции в обществе, продолжая оставаться важным элементом идентичности населения субрегиона. Воздействовать же на бытовую религиозность, распространенность которой была весьма широкой, власти практически не могли. В этих условиях роль представителей духовенства стала сводиться в основном к отправлению текущих религиозных треб.

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на случившийся тогда качественный перелом в сфере государственно-религиозных отношений, квинтэссенцией которого в широком смысле стало возвращение религии, а следовательно, и духовенства в поле легального функционирования, служители мусульманского культа в Кабардино-Балкарии оказались втянуты в события, самым негативным образом сказавшиеся на их личных судьбах и на судьбе исламского духовенства республики в целом. Дело в том, что во время немецкой оккупации Кабардино-Балкарии (август 1942 — январь 1943 гг.) фашистской администрацией предпринимались активные попытки посредством апеллирования к религиозным чувствам местного населения добиться его лояльности. При этом повышенное внимание уделялась духовенству. Немецкие оккупационные власти, владея исчерпывающей информацией обо всех перипетиях в сфере советской религиозной политики предвоенного периода, в том числе и об имевших место репрессиях в отношении представителей данной группы, обоснованно рассчитывали обрести в их лице сторонников.

Поэтому в период оккупации имело место массовое открытие культовых зданий, по свидетельству источников, «...по 2–3 мечети в каждом населенном пункте республики»¹. Параллельно восстанавливались должности мулл, которые наделялись широкими полномочиями и получали солидное денежное довольствие, по мнению Е. И. Журавлева,

¹ Дегтярев Ю. М. Открывал ли Сталин церкви? С. 131.

сопоставимое с тем, что имели «...главы администраций городов и сельских населенных пунктов»¹. Мечети в период оккупации, по сути, становились площадками для профашистской пропаганды, а служители культа, вольно или невольно, нередко — ее рупорами. В итоге представители рассматриваемой социальной группы оказались в числе лиц, как минимум активно контактировавших с оккупантами. В связи с этим, когда в конце декабря 1942 г. — начале января 1943 г. начался отвод фашистских подразделений с Кавказа, вместе с ними его территорию покинуло и большинство представителей местного духовенства, осознававших, вероятно, как будет интерпретирована советскими властями их деятельность периода оккупации и какие последствия она для них повлечет. Тем самым субрегион лишился последних остатков кадрового духовенства. В результате была преодолена некая точка невозврата, после чего преемственность поколений служителей культа республики была полностью нарушена. В итоге мусульманское духовенство Кабардино-Балкарии 40–80-х гг. XX в. не имеет прямой генетической связи с духовенством 20–30-х гг. XX в. По сути, это две качественно разные социальные группы.

Как уже отмечалось выше, принятие постановлений СНК СССР «О порядке открытия церквей» (1943 г.)² и «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» (1944 г.)³ заложило основы для встраивания религии в поле легального функционирования. Принятие данных документов привело к запуску процесса регистрации религиозных общин. Количество официально зарегистрированных религиозных общин — показатель, важность которого в контексте рассматриваемой темы, сложно переоценить. Дело в том, что с количеством официально зарегистрированных религиозных общин тесно коррелировалось и количество служителей культа, так как существовала жесткая трехкомпонентная связка: религиозная община — культовое здание — служитель культа. Количественные показатели каждого из этих трех компонентов должны были совпадать.

Процесс регистрации в республике религиозных общин начал активно реализовываться еще в годы войны. Первыми были зарегистрированы религиозные общины, возникшие в период немецкой оккупации, соответствовавшие новым формальным требованиям. В 1945 г. данный процесс продолжился и набрал обороты. К концу 1946 г., на территории республики официально действовало уже 26 религиозных

¹ Журавлев Е. И. Коллаборационизм, немецкий «новый порядок» и религиозный вопрос на юге России в годы оккупации (1942–1943 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 1. 2009. С. 139.

² Постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей». Москва, Кремль, 28 ноября 1943 г. / Электронная библиотека исторических документов [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/...snk-sssr-o...otkrytiya...1943...> (дата обращения: 20.08.2023).

³ Там же.

общин различных культов, в том числе 9 — мусульманских¹. Официальное же количество служителей культа республики всех вероисповеданий варьировалось в пределах 25–30 человек. Данные показатели, по сути, оставались наивысшими в течение всего советского периода, так как после 1946 г. процесс регистрации религиозных общин, а следовательно, и служителей культа в республике приостановился. Все последующие советские десятилетия число официально зарегистрированных религиозных общин существенно не менялось, хотя десятки из них годами ждали регистрации, действуя неофициально. Так, даже в 1988 г. в республике была официально зарегистрирована деятельность лишь 28 религиозных организаций: 13 мусульманских, 7 православных, 8 протестантских².

Сложившаяся на основе вышеупомянутых документов система регистрации религиозных общин и, соответственно, служителей культа, была довольно сложная и заорганизованная. Она создавала условия, при которых реально преодолеть заложенные в них формальности было возможно лишь при однозначной заинтересованности властей. То есть механизм регистрации религиозных общин позволял властям полностью регулировать их количество по своему усмотрению. В связи с этим нельзя не согласиться с исследователем Е. Шишкиным, справедливо отметившим, что их (Постановления СНК 1943 и 1944 гг.) уместнее было бы назвать «...о порядке отклонения ходатайств верующих»³.

Очевидно, что после 1946 г. власти республики уже не были заинтересованы в росте числа религиозных общин. Поэтому поступающие от верующих заявления на регистрацию по различным причинам в большинстве своем отклонялись. Это, в свою очередь, способствовало возникновению, широкому распространению и прочному закреплению в социальном пространстве на протяжении 40–80-х гг. XX в. одного важного явления. Речь идет о наличии помимо официально зарегистрированных религиозных общин незарегистрированных, причем превосходящих официальные по количеству, а также многочисленных представителей духовенства, действовавших в неофициальном порядке. Сведения о данном явлении весьма обширны и «красной нитью» проходят через весь имеющийся у нас в распоряжении комплекс архивных материалов. К примеру, в Информационном отчете «О состоянии

¹ Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР) Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.

² Управление Центра документации Новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦДНИ АС КБР) Ф. 1. Оп. 28. Д. 77. Л. 8.

³ Шишкин Е. Н. Вопрос открытия церквей на территории Ставропольской и Бакинской епархий 1943–1948 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. «История. История русской православной церкви». 2018. Вып. 82. С. 88.

и деятельности религиозных культов по КАССР¹ на 1 января 1954 г.» уполномоченным отмечалось: «...что касается деятельности незарегистрированных служителей религиозного культа, то таковые имеются в каждом селении, и они занимаются отправлением религиозных обрядов при похоронах и венчании по просьбе верующих»².

Обстоятельное исследование вопроса о количестве фактически действовавших в республике служителей культа было произведено лишь 1981 г. В итоге было выявлено и поставлено на учет 152 человека³. По сообщениям уполномоченного «...было решено официально зарегистрировать в качестве служителей по похоронам 72 из них с закреплением к действующим мечетям по семи районам (118 населенным пунктам). Остальным 80 человекам всякая религиозная деятельность была запрещена»⁴. Таким образом, имеются все основания утверждать, что в республике в период 40–80-х гг. XX в. в каждом населенном пункте имелись представители рассматриваемой социальной группы, правда, в большинстве своем осуществлявшие свою деятельность неофициально.

Можно утверждать, что наличие в каждом населенном пункте духовного лица представлялось важным и даже необходимым для нормальной жизнедеятельности социума фактором, поскольку, как уже отмечалось, формальная религиозность кабардино-балкарского общества как до Великой Отечественной войны, так и после продолжала оставаться высокой. Так, ключевые события жизненного цикла (свадьба, похороны) имели всегда религиозное сопровождение, массовым оставалось празднование Курман-байрама и Уразы-байрама, соблюдение поста-уразы, ряда пищевых запретов и пр. Это свидетельствует не столько о сильных позициях религии как таковой, сколько о прочно укорененном в общественном сознании следовании некоему шаблонному ситуативному поведению. Этот нюанс тонко подмечен в одном из документов, в котором, в частности, говорится, что в республике «...многие обычаи, правила, обряды, в иных случаях не несущие в себе элементов религии, в других имеющие религиозную основу, стали традицией и, повинаясь этой традиции, молодого и старого, партийного и беспартийного хоронят по религиозным обрядам. В религиозный праздник Курман верующие и неверующие режут скот — такова традиция»⁵. Кроме того, принадлежность человека к религии тесно соотносилась с его национальной принадлежностью,

¹ С 1944 по 1957 г. Кабардино-Балкарская АССР называлась КАССР — Кабардинская Автономная Советская Социалистическая Республика (период депортации балкарского народа).

² УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 10.

³ Там же. Д. 212. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 31. Д. 166. Л. 4.

а религиозная обрядность, в свою очередь, стабильно воспроизводилась в общественно значимых масштабах во многом в силу того, что воспринималась как часть традиции.

В связи с этим вполне логичной представляется выраженная заинтересованность как обывателей, так и представителей власти в наличии служителей культа в каждом населенном пункте. В частности, документы свидетельствуют о высокой степени вовлеченности местных администраций в дело определения лиц, исполняющих религиозные требы жителей. К примеру, в с. Баксаненок был выявлен факт того, что председатель сельского Совета лично назначил человека на должность эфенди, выбрав из нескольких претендентов¹. А после того, как в результате хрущевской антирелигиозной кампании (1958–1964 гг.), в рамках которой властями была предпринята попытка перевести служителей на фиксированные оклады и параллельно обложить их налогом, что спровоцировало волну отказов служителей от своей деятельности, власти захлестнул поток жалоб от глав местных администраций, что в ряде населенных пунктов стало некому хоронить умерших и поэтому «...сельсоветы вынуждены были уговаривать служителей заняться похоронами»². А в 1981 г., после того как мулла в с. Нартан Чегемского района У. М. отказался от исполнения своих обязанностей, «...председатель сельсовета лично приехал к уполномоченному и просил назначить служителя, так как жители села стали проявлять неудовольство тем, что некому хоронить умерших, и все претензии предъявляли сельскому совету»³. Нередкими были случаи, когда жители сел брали служителей культа на, так сказать, коллективное обеспечение. К примеру, подобного рода происшествие было задокументировано в 1952 г. в с. Кызбурун II. Там был «...выявлен факт организации сбора кукурузы по одному пуду и 10 рублей с каждого двора в пользу муллы»⁴.

Данностью рассматриваемого периода, характерной, в общем, для всей страны, являлось отсутствие у подавляющего большинства представителей духовенства специальной профессиональной подготовки. В первую очередь это было связано с отсутствием возможностей для получения богословского образования, ввиду того, что легализация религии, произошедшая в годы Великой Отечественной войны, не привела к возрождению системы религиозного образования. Так, с 1946 г. во всем СССР функционировало лишь два медресе — в Бухаре и Ташкенте, дававшие среднее религиозное

¹ УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 32.

² Там же. Оп. 31. Д. 166. Л. 3.

³ Там же. Оп. 2. Д. 212. Л. 4.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 2918. Л. 8.

образование. При этом стабильно работало только Бухарское, рассчитанное на обучение 60 мутаалимов¹. За весь период 40–80-х гг. XX в. лишь трем молодым людям из Кабардино-Балкарии удалось отправиться туда на учебу². И произошло это уже в конце 70-х гг. XX в. Среди тех трех молодых людей был и будущий муфтий республики — Ш. А. Пшихачев, проходивший обучение в Бухарском медресе «Мир-и Араб» в 1980–1987 гг.

Прямым следствием практически полного отсутствия в кадровом составе духовенства республики лиц, имевших профессиональное образование, стало широкое внедрение в обрядовую практику множества вольных отступлений, импровизаций и искажений. Исследователь А. Х. Мукожев пишет по этому поводу: «...в 70-е годы читать и писать по-арабски и, особенно, толковать Коран умели уже единицы, а готовящиеся в частном порядке муллы получали минимальные знания по обслуживанию похорон и поминок, оформлению брака, совершению намаза, причем необходимые для отправления культа суры Корана заучивались ими наизусть и нередко толковались произвольно. Зачастую служители культа пользовались текстами молитв, написанными на русской графике»³. В одном из отчетов уполномоченного также говорилось: «...теперешние служители культа допускают много извращений Корана, несут много отсебятины, по незнанию и непониманию... читают Коран не к месту, в силу своего незнания и этим вводят в заблуждение верующих»⁴. Острой была проблема коммерциализации требоисполнений. Архивные документы рассматриваемого периода изобилуют жалобами жителей республики на неимоверно дорогие поминки, бесцеремонное повышение цен на обряды и другие действия, совершавшиеся некоторыми представителями мусульманского культа⁵.

Однако низкий профессиональный уровень духовенства не виделся тогда острой проблемой, так как в обывательской среде отсутствовал заказ на глубокое понимание религии. Благодаря атеистической работе, перманентно проводившейся на протяжении всех советских десятилетий, в обществе появилось немало людей, индифферентных к религии. Например, исследователь А. Беннингсен выделял шесть групп, существовавших в то время и отличавшихся друг от друга по степени религиозности: 1) верующие по убеждению; 2) традиционные

¹ Сулаев И. Х. Официальное мусульманское духовенство в Советском Дагестане // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 153.

² Адыгская (черкесская) энциклопедия под ред. М. А. Кумахова. М.: Фонд им. Б. Х. Акбашева, 2006. С. 616.

³ Мукожев А. Х. Ислам в Кабардино-Балкарии в годы советской власти // Архивы и общество. 2007. № 1. С. 174.

⁴ УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 36.

⁵ Там же. Д. 1699. Л. 31.

верующие; 3) колеблющиеся; 4) неверующие, но соблюдающие некоторые обряды; 5) соблюдающие обряды под давлением своего окружения; 6) атеисты¹.

Данное обстоятельство непосредственно влияло на требования, предъявляемые обществом к личности служителя культа, снижая уровень претензий к их профессиональным качествам. По мнению А. В. Кобзева, акценты в представлениях верующих о будущем имаме смещались «...в сторону оценки его прежде всего личностных качеств и жизненного опыта»². Таким образом, по сути, определяющими становились параметры, непосредственно к религии не относящиеся. Однако нельзя не отметить, что, несмотря на это, важной заслугой представителей духовенства 40–80-х гг. XX в. являлось поддержание посильного минимума обрядности, что в широком смысле способствовало сохранению основ религиозных традиций рассматриваемого социума. Поэтому, даже несмотря на весьма условную профессиональную подготовку, входившие в данную группу люди выполняли важную функцию хранителей религиозных традиций и знаний.

В большинстве своем служителями культа в этот период становились пожилые люди. Обычным для Кабардино-Балкарии делом было наличие у служителей культа детей и других близких родственников, являвшихся членами партии, председателями колхозов и сельских советов, руководящими работниками. Да и сами служители культа нередко являлись людьми с образованием, ранее занимавшими разного рода ответственные и даже руководящие должности. Встречались среди них даже бывшие лекторы общества «Знание», специализировавшиеся на атеистической тематике. Анализ подобных фактов в отношении как зарегистрированных, так и незарегистрированных служителей культа республики занял целых шесть листов в отчете уполномоченного по делам религиозных культов в Кабардино-Балкарии³.

Таким образом, служители культа в Кабардино-Балкарии в 40–80-е гг. XX в. представляли собой хорошо маркируемую группу, занимавшую в социуме устойчивую нишу. Ее представители были прочно встроены в структуру общества и играли важную роль в сохранении основ религиозной культуры в условиях политики государственного атеизма. Однако кардинальные изменения в религиозной сфере конца советской эпохи выявили несоответствие кадрового состава служителей культа актуальным запросам исторического момента. Растущие духовные потребности общества, выраженный заказ на более глубокое постижение религии, с одной стороны, и невозможность их удовлетворить

¹ Беннигсен А. Мусульмане в СССР. Казань: Иман, 1999. С. 40–41.

² Кобзев А. В. Мусульманское духовенство в СССР в 1940–1980-х гг. // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 153.

³ УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1699. Л. 21–27.

внутренними ресурсами — с другой, вкупе с фактически полной отменой государственного контроля за религиозной сферой, породили комплекс отложных рисков, в полной мере проявившихся в субрегионе в конце XX — начале XXI в.

Источники

Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 780. Оп. 1. Д. 21.

Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 1. Оп. 28. Д. 77.

Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053.

Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 1. Оп. 2. Д. 212.

Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 1. Оп. 31. Д. 166.

Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2918.

Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1699.

Литература

Адыгская (черкесская) энциклопедия / под ред. М. А. Кумахова. М.: Фонд им. Б. Х. Акбашева, 2006. 1248 с.

Беннигсен А. Мусульмане в СССР. Казань: Иман, 1999. 85 с.

Гераськин Ю. В. Возникновение и становление института уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4. С. 45–51.

Дегтярев Ю. М. Открывал ли Сталин церкви? // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: материалы круглого стола, посвященного 50-летию Победы. М., 1995. С. 130–142.

Журавлев Е. И. Коллаборационизм, немецкий «новый порядок» и религиозный вопрос на юге России в годы оккупации (1942–1943 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 1. 2009. С. 135–141.

Кобзев А. В. Мусульманское духовенство в СССР в 1940–1980-х гг. // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 149–158.

Мукожев А. Х. Ислам в Кабардино-Балкарии в годы советской власти // Архивы и общество. 2007. № 1. С. 168–176.

Сулаев И. Х. Официальное мусульманское духовенство в Советском Дагестане // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 152–156.

Шишкин Е. Н. Вопрос открытия церквей на территории Ставропольской и Бакинской епархии 1943–1948 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской православной церкви. 2018. Вып. 82. С. 84–103.

References

Adygskaya (cherkesskaya) enciklopediya [The Adyghe (Circassian) Encyclopedia] (2006). Edited by M. A. Kumahov. Moscow: B. H. Akbashev Foundation. 1248 p.

Bennigsen A. (1999) *Musul'mane v SSSR* [Muslims in the USSR]. Kazan: Iman. 85 p.

Geras'kin Yu. V. (2008) *Vozniknovenie i stanovlenie instituta upolnomochennogo Soveta po delam Russkoj pravoslavnoj cerkvi pri Sovete Ministrov SSSR* [Recognition and Enhancement of the Status of the Commissioner for Human Rights for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. Iss. 4. Pp. 45–51.

Degtyarev Yu. M. (1995) *Otkryval li Stalin cerkvi? [Did Stalingrad Open the Churches?]. Religioznye organizacii Sovetskogo Soyuza v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945 gg.: materialy «Kruglogo stola», posvyashchennogo 50-letiyu Pobedy*. Moscow. Pp. 130–142.

Zhuravlev E. I. (2009). *Kollaboracionizm, nemeckij «novyj poryadok» i religioznyj vopros na yuge Rossii v gody okkupacii (1942–1943 gg.)* [Collaboration, the German “New Order” and the Religious Question in the South of Russia During the Occupation (1942–1943)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2009. Ser. 2. Iss. 1. Pp. 135–141.

Kobzev A. V. (2014). *Musul'manskoe duhovenstvo v SSSR v 1940–1980-h gg. [The Muslim Clergy in the USSR in the 1940s-1980s.]*. *Voprosy istorii*. 2014. Iss. 1. Pp. 149–158.

Mukozhev A. H. (2007). *Islam v Kabardino-Balkarii v gody sovetskoj vlasti* [Islam in Kabardino-Balkaria During the Soviet Era]. *Arhivy i obshchestvo*. 2007. Iss. 1. Pp. 168–176.

Sulaev I. H. (2006) *Oficial'noe musul'manskoe duhovenstvo v Sovetskom Dagestane* [The Official Muslim Clergy in the Soviet State]. *Voprosy istorii*. 2006. Iss. 12. Pp. 152–156.

Shishkin E. N. (2018). Vopros otkrytiya cerkvej na territorii Stavropol'skoj i Bakinskoj eparhii 1943–1948 gg. [On Opening of Churches in Stavropol and Baku Dioceses 1943–1948]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. II. Istoriya. Istoriya Russkoj pravoslavnoj cerkvi*. 2018. Iss. 82. Pp. 84–103.

MUSLIM CLERGY OF THE KABARDINO-BALKARIAN ASSR OF THE 40–80^S OF THE 20TH CENTURY

Abstract. The article examines the role and place, the peculiarities of functioning of one of the most specific groups of the Soviet society of the clergy. A brief digression is given concerning the policy of the Soviet government in relation to the Muslim clergy of the subregion. It is emphasized that this group in the first Soviet decades went through a difficult path from a strategic partner of the young Soviet government, which made a significant contribution to its victory in the subregion under consideration, to a principled opponent subjected to repression. It is noted that during the Great Patriotic War, despite the fundamental changes in the sphere of state-confessional relations, there was a break in the continuity of generations of ministers of worship in the republic, as a result of which a personnel vacuum was formed. It is associated with the specifics of the religious policy of the occupation authorities. The sources of recruitment of the Muslim clergy of the period of the 40–80s of the 20th century, their origin, educational level, role and place in the society of the subregion are analyzed. The statements and conclusions put forward are supported by archival documents. In conclusion, it is concluded that, despite the low level of preparedness and narrowed functionality, the Muslim clergy of Kabardino-Balkaria of the historical period under consideration fulfilled the role of the guardian of religious knowledge and traditions. Thus, it played an important role in maintaining household religiosity, the level of which in these years continued to remain quite high.

Keywords: clergy, atheism, religious community, commissioner, social group, everyday life.

Alexandra N. TAKOVA,

Cand. Sci. (Hist.), senior researcher, Department of Modern History, Institute of Humanitarian Studies of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(18, Pushkina Str., Nalchik, KBR, 360000, Russian Federation).
E-mail: sanatalkova@yandex.ru

